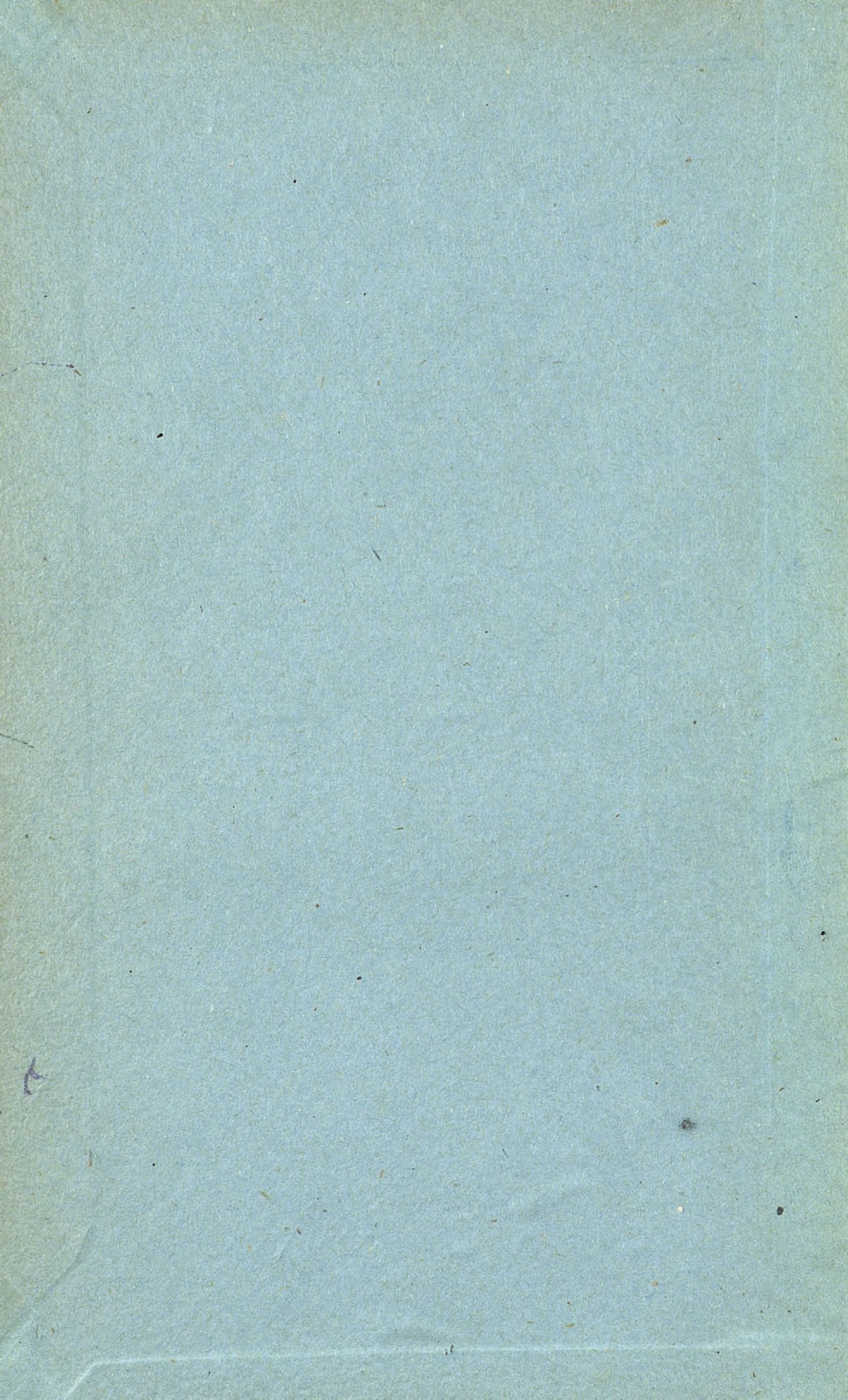

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Б. Павлов.

Пролетарская борьба в России до революции 1905 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р. С. К. и К. Депутатов,
МОСКВА — 1919.

Типо-литография бывш. Рихтер. Москва, Тверская, Мамоновский пер., д. 9

Пролетарская борьба в России до революции 1905 г.

I.

До половины 80-х годов прошлого столетия русский рабочий класс был предоставлен ничем не ограниченному произволу предпринимателей. Государственная власть не делала даже попыток вмешаться в отношения между рабочими и их хозяевами. Не было ни одного закона, который ставил бы хоть какие-либо пределы эксплоатации труда капиталом. Определение условий жизни и работы на фабриках и заводах было всецело предоставлено взаимному соглашению фабрикантов с рабочими, их «свободному» договору. На деле это означало, что русский рабочий класс был вполне принесен в жертву интересам и выгодам предпринимателей. Предоставленный своим собственным силам и лишенный права создавать организации, сплачивающие рабочих одной и той же профессии и в силу этого принуждающие хозяев считаться с их интересами, русский рабочий был вынужден принимать работу на самых тяжелых условиях, лишь бы не оказаться без крова и без куска хлеба. «Свобода» договора, заключаемого им с предпринимателем, служила лишь прикрытием необузданного произвола хозяев в деле эксплоатации людей, осужденных судьбою добывать себе средства к жизни работою на фабриках и заводах. Воля предпринимателя была единственным законом, определяющим условия труда и жизни сотен тысяч русских рабочих и распоряжающимся по своему произволу и их свободой, и их здоровьем, а часто и самой их жизнью.

Волна стачек и рабочих волнений, пронесшаяся по фабрикам и заводам России в 70-х годах и в начале 80-х, заставила правительство изменить свое отношение к рабочему вопросу. Видя в рабочем движении опасность для существовавшего в то время государственного порядка и отчаявшись подавить его при помощи крутых репрессивных мер, бессилие которых уже успело стать достаточно ясным, правительство сделало первые шаги на пути к ограничению «свободы» договора. Но оно не было в силах, да и не считало нужным, отказаться от защиты интересов капитала, и в силу этого все принимаемые им меры носили двойственный характер: делая вид, что ограждает до известной степени рабочих, оно в то же время в гораздо большей степени шло навстречу желаниям и нуждам предпринимателей. Чувствуя за собою поддержку властей, фабриканты всегда имели возможность обходить неприятный для них закон, зная, что такое пренебрежение законом останется для них безнаказанным. Немудрено поэтому, что законы, ограждающие интересы рабочих, оставались только на бумаге.

Так, например, было с законом 1882 г., запретившим пользоваться на фабриках и заводах трудом детей в возрасте до 12-ти лет и устано-

вившим 8-мичасовой рабочий день для детей в возрасте от 12-ти до 15-ти лет. С этим законом предприниматели совершенно не считались, и еще в 1905 году на некоторых рудниках Урала применялся труд 10—13-тилетних мальчиков и девочек, работавших по 12 часов в сутки.

Под давлением стачечного движения в 1886 г. правительство издало закон, определивший порядок и условия найма рабочих. В нем нашли себе место некоторые постановления, безусловно выгодные для рабочих и отвечавшие тем требованиям, которые до тех пор обычно выдвигались бастующими при стачках. Однако, на ряду с такими постановлениями, в этом законе содержались и совершенно иные, направленные всецело на защиту предпринимателей и как бы нарочно рассчитанные на то, чтобы показать рабочим, насколько правительству ближе выгоды фабрикантов, чем интересы рабочих. Фабричная администрация получила по этому закону право, не прибегая к суду, досрочно увольнять рабочих в случае их «дерзости или дурного поведения». На ряду же с этим, как бы тяжело ни было положение рабочего, каким бы оскорблениям он ни подвергался со стороны хозяина, как бы ни обсчитывал его предприниматель, рабочий все же не мог оставить своего места без разрешения суда; если же он, чувствуя себя не в силах переносить долее тяжелые условия, в которых ему приходилось жить и работать, самовольно оставлял работу, то закон 1886 г. устанавливал для него на этот случай уголовное наказание: арест на срок до одного месяца.

Или еще один пример: за нарушение предпринимателями постановлений закона 1886 г. был установлен штраф не свыше 300 рублей; для рабочих же этот закон не знал иных наказаний, как только заключение в тюрьму.

Таким образом закон 1886 г. ясно показал русским рабочим, что у правительства для предпринимателей и для рабочих две разные мерки и что в силу этого рабочему классу в его повседневной борьбе за улучшение условий своего существования на помощь со стороны правительства рассчитывать не приходится. Поняв это, русские рабочие приучились видеть врага не только в тех, кто непосредственно эксплоатирует их труд, но и в правительстве, всемерно поддерживающем этих эксплоататоров.

Фабричная инспекция, на которой лежало наблюдение за исполнением фабрикантами законов 1882 и 1886 г., была поставлена в такие условия, которые делали невозможным надзор за происходящим на фабриках. На всю Европейскую Россию было назначено только двадцать фабричных инспекторов; в среднем, на одного инспектора приходилось по 1295 промышленных предприятий с 43.491 рабочим. Их округа достигали колоссальных размеров; самый маленький из них, варшавский, занимал пространство в 111.875 кв. верст, а некоторые превышали 400 тысяч верст. Вследствие своей малочисленности инспектора не имели возможности не только действительно познакомиться с условиями жизни рабочих и вникнуть в их быт и нужды, но даже об'ехать и осмотреть все подведомственные им фабрики. Так, например, первый отчет московского фабричного инспектора был составлен на основании осмотра лишь 174 фабрик, а владимирского— только 71.

Понятно, что при таких условиях фабриканты могли совершенно спокойно и безнаказанно нарушать и обходить требования закона.

II.

Как ни мало дало русскому рабочему фабричное законодательство 80-х годов, оно все же несколько улучшило его положение, удовлетворив часть наиболее неотложных его требований и в силу этого смягчив неограниченную до той поры эксплоатацию труда капиталом. Вследствие этого оно внесло, хотя и не на продолжительное время, успокоение в волнующуюся среду рабочих, ослабив стачечное движение, достигшее наивысшего развития к середине 80-х годов и протекавшее в весьма резких и бурных формах. Этому способствовало также начавшееся во второй половине 80-х годов промышленное оживление, усилившее спрос на рабочие руки и поднявшее цены на них. Связанное с этим облегчение условий жизни рабочего класса внесло успокоение в его ряды.

Во вторую половину 80-х годов число стачек резко упало по сравнению с первой. Стачки стали сравнительно редким явлением и вспыхивали только под влиянием грубых нарушений закона и условий найма со стороны фабричной администрации и наиболее вопиющих случаев эксплоатации. Забастовки этого времени вспыхивают без предварительной подготовки и отличаются малой сознательностью. Протекают они недостаточно организованно. Ясно формулированные требования у бастующих отсутствуют, а в их рядах обнаруживаются разногласия относительно целей, преследуемых забастовкой.

Лишь в некоторых стачках того времени можно отметить признаки сознательности и организованности. К числу таких стачек принадлежала «перемежающаяся» стачка ткачей в Белостоке летом 1887 г.: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая своим заработком бастующих товарищей; забастовщикам удалось таким путем добиться повышения расценок. В сентябре следующего года вспыхнула стачка в Шуе, начатая в виде протеста против введения двухсменной работы, сократившей заработок рабочих. Эта стачка охватила одновременно 4 крупные фабрики и длилась 10 дней. Результат ее был невыгоден для рабочих: фабриканты, хотя и ввели одну тринадцатичасовую смену, но одновременно с этим значительно сократили число рабочих. Однако, эта стачка, равно как и белостоцкая, свидетельствовала о том, что сознание общности интересов рабочих, занятых на разных предприятиях, первые признаки которого стали проявляться еще в начале 80-х годов, не заглохло, но продолжало развиваться в среде русского пролетариата.

С начала 90-х годов промышленное оживление приостановилось; это ...зилось главным образом на текстильной промышленности, сильно по...адавшей в связи с сокращением спроса на ее продукты, вызванного ...келыми неурожаями, пережитыми Россией в 1891 и 1892 годах. Голо...кщие крестьяне толпами потянулись в города, стремясь найти зара...к на фабриках и заводах. Под влиянием этого заработная плата по...лась, а так как одновременно, в связи с неурожаями, цены на хлеб ...ли сильно расти, то и положение городского пролетариата резко ухуд-

шилось. Острое состояние недовольства охватило рабочее население городов. Вздорожание хлеба вызвало уличные беспорядки и столкновения с полицией в Витебске, Заверце (Петроковской губернии) и других городах. В приволжских городах, вследствие скопления массы безработных и голодающих портовых рабочих, вспыхнули голодные бунты, для усмирения которых правительство прибегло к военным судам и смертным казням.

Пользуясь наплывом из деревень ищущих работы крестьян, предприниматели стали понижать заработную плату; рабочим приходилось отстаивать старые расценки, вследствие чего стачечное движение усилилось. Стремление фабрикантов использовать в своих выгодах тяжелое положение, в котором оказались рабочие, вызвало в их среде страшное озлобление: целый ряд забастовок сопровождался погромами фабрик и порчей фабричного имущества.

Мало заинтересованные, вследствие застоя в промышленности, в повышении выработки, фабриканты легко переносили эти стачки, поэтому они обычно оканчивались победой фабрикантов: голод заставлял бастующих рабочих соглашаться на все их условия. Лишь там, где стачки протекали в организованных формах, они оканчивались победой рабочих и уступками со стороны хозяев. Так было при забастовке рабочих на фабрике Хлудова в Егорьевске в 1892 г., поддержанной рабочими других, находящихся в том же городе, фабрик и при забастовке, охватившей в следующем году почти все фабрики Шуи.

Особенно сильно забастовочное движение развилось в Польше. Общее число бастовавших в 1890—1893 г. превысило 100 тысяч человек. Борьба велась за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. Столкновения с войсками, вызываемыми для усмирения волнующихся рабочих, были заурядными явлениями. Забастовка в Жирардове в 1891 году сопровождалась избиением рабочих; несколько человек было убито. 800 рабочих были высланы на родину этапным порядком. В мае следующего года во время забастовки в Лодзи попытка бастующих «снимать с работы» не бастовавших закончилась столкновениями с войсками и многочисленными арестами. При одном из столкновений было убито 5 рабочих и много ранено. Под влиянием этого рабочие ожесточились; забастовка охватила всю Лодзь и сделалась всеобщей. Рабочим удалось овладеть тюрьмой и казармами; перепуганные фабриканты и власти бежали из города. Со всех сторон к Лодзи были стянуты войска; при их помощи стачку удалось подавить. Число убитых при этом подавлении достигло 50-ти человек.

В Польском стачечном движении широкое участие принимали социалистические кружки и организации.

В Польше в начале 90-х годов существовало широко развившееся социалистическое движение, пользовавшееся большим влиянием в рабочей среде. Это влияние сказалось на всем ходе польского стачечного движения и выразилось, между прочим, в том, что с начала 90-х годов польские рабочие начали праздновать международный праздник пролетариата—1-е мая. В этот день в 1890 году в Варшаве бастовало до 10-ти тысяч рабочих. 1-е мая 1891 и 1892 гг. отмечено забастовками в Жирардове и Лодзи.

В совершенно ином состоянии находилось в это время социалистическое движение во внутренних губерниях Европейской России. Там не было таких крупных и влиятельных в рабочей среде социалистических организаций, какие были в Польше. После разгрома в 1884 году партии «Народной Воли», от нее остались лишь малолюдные кружки, не связанные между собой и не способные играть видную роль в общественном движении. На ряду с этими народническими кружками, с середины 80-х годов в некоторых городах стали возникать кружки социал-демократические, придерживающиеся основ научного социализма Маркса и Энгельса. Первым таким кружком был кружок, основанный в 1884 г. в Петербурге болгарином Благоевым, являющимся в настоящее время одним из вождей «тесных» болгарских социалистов, т.-е. придерживающейся интернационалистических взглядов части болгарской социал-демократии. К концу 80-х годов такие кружки существовали уже во многих городах— Вильне, Киеве, Одессе, Владимире, Шуе, Ростове-на-Дону и др. В начале 90-х годов они возникли в Москве, Минске, Самаре, Саратове, Иваново-Вознесенске. Эти кружки состояли, главным образом, из учащейся молодежи и наиболее сознательных рабочих, которых в то время было еще немного, но среди которых многие по начитанности и духовному развитию не уступали широкой массе студенчества. Эти кружки не вмешивались в экономическую борьбу рабочих и ограничивали свою задачу пропагандой, т.-е. самообразованием и привлечением в свои ряды единичных рабочих, казавшихся членам кружков надежными и стремившихся, входя в кружок, пополнить свои знания. Никаких иных задач кружки первоначально не ставили. Рост социал-демократического движения рассматривался ими, как постепенное увеличение числа рабочих кружков, в которых отдельные рабочие путем социалистических научных занятий перевоспитаются в социалистическом духе. От вмешательства в стачки эти кружки воздерживались, что об'яснялось отчасти малым знакомством их членов с жизнью рабочих.

Такие оторванные от практической деятельности кружки могли развиться и просуществовать более или менее продолжительное время лишь в тех местах, где не было стихийного рабочего движения, где рабочих было немного и где кружки состояли главным образом из интеллигентов. Там же, где такие условия отсутствовали, кружки в силу вещей должны были постепенно изменять характер своей деятельности. Поступающие в них рабочие шли туда не только за тем, чтобы получить научные знания, но в то же время и для того, чтобы найти ответ на возникающие у них вопросы, связанные с повседневным существованием. Для рабочих стачечная борьба и условия жизни и труда на фабриках не были такими отвлеченными и чуждыми вопросами, какими они были для интеллигентов, руководителей кружков. Для них эти вопросы были своим, близким делом; перенося на своих плечах эксплоатацию предпринимателей, они естественно должны были стремиться уяснить себе, как и каким путем они могут, если не уничтожить совсем, то смягчить и уменьшить эту эксплоатацию.

Стихийное стачечное движение, пробудившееся в первой половине 90-х годов, поставило существовавшие в то время кружки перед вопросом: продолжать ли им прежнюю просветительную деятельность или пе-

рейти от пропаганды среди немногих наиболее сознательных рабочих к широкой массовой агитации, т.-е. к постоянному и планомерному воздействию на рабочую массу на почве ее ближайших экономических нужд. Весь ход жизни и в частности политическое пробуждение русского общества под влиянием ужасов голодных 1891 и 1892 годов толкали кружки к широкой деятельности, к активному вмешательству в борьбу между трудом и капиталом. Постепенно, сперва в Вильне и в Москве, потом в Петербурге и др. городах, кружки расширяют свою деятельность и изменяют ее характер. Для членов кружков стало ясным, что для того, чтобы развить классовое самосознание среди рабочих и чтобы поднять их на планомерную политическую и экономическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в их среде идей научного социализма, а необходимо прежде всего обратиться к рабочей массе и стараться вовлечь ее в борьбу за ближайшие, а потому для массы наиболее понятные и доступные, экономические требования. Раз масса начнет такую борьбу, она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов, а также поймет, что главным препятствием в этой борьбе за улучшение условий существования является современный политический строй; другими словами, сама экономическая борьба втянет рабочих и в борьбу политическую. При такой постановке задач менялся весь характер деятельности кружков: вместо обществ для самообразования, они становились организаторами стачек и руководителями рабочих в их повседневных конфликтах с предпринимателями, возникающих на почве вопросов о плате, условий труда и т. п. Просветительная деятельность кружков остается, но теперь она служит средством для подготовки сознательных и образованных агитаторов.

Такой перелом в деятельности социал-демократических кружков совершился в 1894 и 1895 гг. Приняв, по образцу петербургского кружка, название «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса», они начинают играть заметную роль в стачечном движении, быстро шедшем в гору и достигшем во второй половине 90-х годов небывалых размеров. Однако, прежде чем перейти к этому движению, необходимо познакомиться с изменениями, происшедшими к этому времени в русской промышленности и русском пролетариате.

III.

Застой, переживаемый русской промышленностью в начале 90-х годов, сменяется небывалым ростом и расцветом. Под'ем во всех отраслях производства начинается с 1893 г. Высокие размеры прибыли, охраняемые покровительственными таможенными пошлинами на товары, ввозимые из-за границы, крупные и выгодные заказы, которыми заваливала русскую промышленность казна, делали постройку фабрик и заводов чрезвычайно выгодной и привлекали иностранные и русские капиталы.

Из 14.386 фабрично-ремесленных предприятий, насчитывавшихся в России к 1900 г., 5.788, или 40%, было основано в 90-х годах.

Вместе с этим ростом промышленности машинное производство вытесняло в ней ручной труд. С 1878 по 1892 г. число паровых котлов на фабриках и заводах России возросло с 8.510 до 14.248, паровых машин—с 6.353 до 13.085, число сил в них—с 114.987 до 345.209.

Одновременно происходила концентрация промышленности, т. е. росли и развивались, главным образом, крупные фабрики и заводы с большою выработкой и большим числом занятых на них рабочих. В противоположность Западной Европе, в России крупные промышленные предприятия развивались не постепенно из мелких и средних, а возникали сразу. Немецкий ученый Шульце-Геверниц, изучавший в середине 90-х годов русскую промышленность, отмечает, что среднее число веретен, приходившихся на одну фабрику в Москве и во Владимире, больше, чем в Англии и в Германии. Вообще в России быстрее всего увеличивалось число самых крупных фабрик и заводов. В 1890 г. 46% русских рабочих было занято на крупных фабриках и заводах, насчитывавших более 1000 рабочих.

Развитие промышленности сопровождалось ростом городов. С 1863 г. по 1897 г. население городов увеличилось на 97%, тогда как все население России—на 53%. Под влиянием развивающегося в деревне малоземелья, все большее и большее число крестьян бросает землю и переселяется в города. С 1890 г. по 1900 г. выборка паспортов из волостных правлений на срок не более одного года возросла с 6.096 тысяч до 8.312 тысяч в год, а на срок 2—5 лет—с 10.510 до 193.163 в год. Уходящие на отхожие промыслы крестьяне все чаще перестают возвращаться в деревни даже на полевые работы.

На ряду с ростом городского населения, увеличивается и число рабочих. Это видно из следующих цифр:

	1887 г.	1897 г.
Число рабочих в тысячах на фабриках и заводах.	1.318	2.098
На железных дорогах	213	414

Таким образом, за 10 лет число рабочих возросло на 64%. Однако, гораздо большее значение для дальнейшего развития рабочего движения имело изменение самого состава рабочих. Дело в том, что в России, как и во всех странах с только-что развивающимся капитализмом, рабочие первоначально набирались, главным образом, из среды крестьян, вынужденных, вследствие малых размеров своих наделов и по другим причинам, продолжая заниматься обработкой своих земельных участков, искать для себя в свободное от работы на земле время подсобного заработка с целью увеличить тот незначительный доход, который приносила им их земля, и этим обеспечить свое существование. Такие рабочие, поступая на фабрику, продолжали оставаться земледельцами, лишь на короткое время покидавшими землю и регулярно каждый год, ко времени начала в деревне полевых работ, уходящими с фабрики обратно в деревню. Живя и работая в городе, они продолжали сохранять тесную связь с землей. Среди таких рабочих не могло возникнуть и развиться пролетарское классовое самосознание: как ни малы были их наделы, они все-таки оставались собственниками, и в силу этого вопрос об увеличении размеров их наделов интересовал их гораздо больше, чем вопросы об улучшении условий труда и жизни рабочих на фабриках и заводах.

В России рабочие дольше, чем в других странах, сохраняли эту

связь с землей. Низкий уровень заработной платы не давал ему возможности содержать свою семью при себе в городе. Обычно уходящий на фабрику крестьянин оставлял жену и детей в деревне в расчете на то, что здесь им легче будет найти себе пропитание, чем в городе. Вследствие этого, он все время поддерживал сношение с деревней, посылал туда, урезывая всячески собственные расходы, часть своего заработка, летом покидал фабрику и отправлялся к семье, чтобы помогать ей во время полевых работ, и, наконец, состарившись или получив на фабрике увечье, лишающее его возможности продолжать работу, возвращался доживать свой век в деревню.

Отмеченный выше переход от ручного труда к машинному производству постепенно разрушал связь рабочих с землею. Машина нуждается в том, чтобы при ней постоянно находился рабочий. Затрачивая крупные суммы денег на обзаведение своей фабрики машинами и вводя на ней все новые технические изобретения и усовершенствования, предприниматель заинтересован в том, чтобы оправдать свои затраты и извлечь из этих машин как можно больше выгоды,—поэтому обычная раньше в России остановка фабрик и заводов на время полевых работ являлась теперь для него крайне невыгодной и убыточной. С переходом от ручного производства к машинному, такие остановки становятся все реже и число рабочих, уходящих летом в деревню, уменьшается, что, в свою очередь, ведет к ослаблению их связей с землей. Чтобы проверить это, можно сослаться на наши красильные и ситценабивные фабрики. Во второй половине 80-х годов с этих фабрик, сохранивших у себя ручной труд, ежегодно на полевые работы уходило около 30% взрослых рабочих; с фабрик же, перешедших к машинному производству,—только 8%.

По мере развития и распространения крупного машинного производства число рабочих, занятых на фабриках круглый год и не уходящих никогда на полевые работы, увеличивается. Эти рабочие продолжали по своим паспортам числиться крестьянами, а на деле не имели уже в деревне ни хозяйства, ни даже дома, и были связаны с нею лишь зависимостью от нея в получении паспорта и обязанностью вносить подати. В конце 80-х годов уже 80% русских рабочих не уходили на полевые работы, доктор Дементьев опросил более 18½ тысяч рабочих, причем оказалось, что у 55% из них отцы работали на фабриках; следовательно, это было уже второе поколение рабочих. То же самое подтверждает произведенное в начале 90-х годов исследование проф. Эрисмана, установившего, что 63% фабричных рабочих Московской губернии поступили на фабрики в малолетнем возрасте. Понятно, что такие рабочие чувствовали себя совершенно чуждыми деревне; в свою очередь, и крестьяне деревень, к которым они были приписаны, не могли смотреть на них иначе, как на чуждых пришельцев.

Таким образом, в середине 90-х годов в России уже существовал многочисленный класс рабочих, не имеющих никакой собственности. Это были уже настоящие пролетарии, мало чем отличающиеся от пролетариев наиболее развитых в экономическом отношении стран Западной Европы.

При таком изменении состава и характера русского рабочего класса, в нем неизбежно должно было пробудиться пролетарское классовое самосознание, т. е. сознание противоположности и непримиримости его интересов с интересами класса капиталистов. Быстрому пробуждению этого сознания способствовал быстрый рост крупных промышленных предприятий. Работая вместе с сотнями и тысячами других рабочих, соприкасаясь и разговаривая ежедневно о всем, что его волнует и возмущает, со своими товарищами по работе, рабочий гораздо скорее и легче уяснял себе свое положение и начинал сознательно разбираться во всех вопросах, которые выдвигала перед ним жизнь. Он раздумывал и беседовал с товарищами о своих отношениях к хозяину и быстро научался сам разбирать и другим помогать разбирать, в чем причина, вследствие которой они ведут полуголодную жизнь, а хозяин наживает от их труда громадные барыши. Так постепенно повышалось классовое сознание русских рабочих, наложившее уже довольно ясный отпечаток на все рабочее движение середины 90-х годов.

В странах Западной Европы, имеющих развитую промышленность, где пролетариат является могучим общественным классом, сознательно ведущим борьбу против капитала и учитывающим все условия, которые могут способствовать успеху этой борьбы, наибольшее развитие стачечного движения наблюдается в годы наибольшего под'ема и расцвета промышленности. Наоборот, во время промышленных застоев и кризисов волна стачек спадает. Это обусловливается сознанием рабочих, что стачка, начатая в период под'ема, гораздо опаснее для предпринимателей и поэтому имеет более условий, необходимых для успешного окончания, чем стачка, проведенная на время, когда промышленность находится в тяжелом положении и когда предприниматели рады воспользоваться всяким случаем, чтобы сократить производство на своих фабриках и заводах. Сознательный и учитывающий при об'явлении забастовки положение промышленности западно-европейский рабочий прекращает свою работу, пред'являя хозяину те или другие требования об улучшении условий своего труда как раз в те минуты, когда предприниматель дорожит каждой рабочей силой, когда остановка работ угрожает ему большими убытками и когда, вследствие этого, он скорее согласится исполнить требования своих рабочих, грозящих ему забастовкой.

Совершенно иное находим мы в России до середины 90-х годов. Наибольшее развитие стачечного движения, в отличие от Западной Европы, выпадает на годы промышленного застоя: в годы же под'ема и оживления промышленности число стачек резко падает. Это об'ясняется стихийным, малосознательным характером борьбы русского рабочего класса с предпринимателями. Громадное число стачек возникло исключительно вследствие того, что предприниматели, под влиянием сокращения, в связи с застоем в промышленных делах, своих доходов, стремились увеличить их, уменьшая для этого заработную плату или при помощи других средств, например, усиленной браковки товаров или наложения на рабочих громадных штрафов удешевить труд. Другими словами, большинство стачек имело характер оборонительный, вызываясь усиленной эксплоатацией рабочих их хозяевами. Русский рабочий прекращал работу не потому, чтобы он признавал данную минуту наи-

более выгодной для об'явления забастовки, а потому, что чаша его терпения переполнялась, и он становился не в состоянии более безропотно сносить притеснения со стороны своего хозяина. Такое положение зависело от малой сознательности русских рабочих и необходимо должно было измениться, и действительно изменилось по мере того, как происходило отмеченное выше изменение состава и характера русского пролетариата.

Во вторую половину 90-х годов русская промышленность переживала, как мы уже видели, годы расцвета, и, тем не менее, стачечное движение не только не сократилось, но, наоборот, достигло небывалого ранее развития. По всей России происходили стачки, отличившиеся чрезвычайно упорным характером и организованностью. По официальным сведениям в стачках участвовало:

Год.	Число бастующ. завед	Число участн. стачек.
1895	68	31.195
1896	118	29.527
1897	145	59.870
1898	215	43.150
1899	189	97.498

Надо при этом заметить, что эти официальные данные гораздо ниже действительности, так как они относятся только к фабрикам и заводам, находившимся под надзором фабричной инспекции. По данным, собранным одним исследователем на основании газет и журналов того времени, число бастовавших достигало в 1897 году — 102 тысяч, а в 1899 г.—130 тысяч рабочих.

При этом необходимо отметить, что наибольшее число стачек выпадало на долю крупных предприятий.

Рабочие, занятые в крупной промышленности, представляли из себя наиболее сознательный авангард русского пролетариата.

IV.

В 1894 г. стачечное движение было еще довольно слабым. Общее число бастовавших не превышало 17-ти тысяч человек. Забастовочное движение происходило, главным образом, в текстильной промышленности Польши и Петербурга. В Польше борьба велась за сокращение рабочего времени и повышение заработной платы и окончилась неудачей, чему в значительной степени способствовало вмешательство полиции. В конце 1894 г. произошли, вызванные невыдачей в срок заработной платы, бурные беспорядки на Невском заводе в Петербурге.

Весна и лето 1895 г. отмечены рядом стихийно вспыхивающих и, вследствие этого, сопровождающихся погромами забастовок в центральном промышленном округе. Главными поводами стачек были понижение предпринимателями расценок и злоупотребление штрафами. Наиболее бурный характер события приняли в Ярославле, где в апреле забастовали рабочие Большой мануфактуры. Рабочие были настроены очень мирно и, добиваясь повышения платы и сложения штрафов, по-

сылали ходоков к Московскому генерал-губернатору, прося его о защите. В ответ на эту просьбу полиция арестовала «зачинщиков» и вызвала войска. Когда рабочие стали требовать освобождения арестованных, войска открыли по ним огонь, убив несколько человек. Столкновением с войсками закончилась также забастовка 2.000 рабочих Иваново-Вознесенской мануфактуры, действовавших весьма организованно: рабочие, желая предупредить вмешательство полиции, очень заботились о том, чтобы был соблюден полный порядок и даже, по общему соглашению стачечников, запретили потребление водки.

Осенью 1895 г. началось стачечное движение среди рабочих-ткачей Белостока и его окрестностей. Стачка охватила от 15-ти до 20-ти тысяч рабочих и продолжалась около 2-х недель, закончившись частичными уступками предпринимателей. В то же время в текстильной промышленности Петербурга вспыхнули стачки, послужившие началом широкого стачечного движения, охватившего петербургский пролетариат в следующем году. К этому времени петербургские социал-демократические кружки успели уже перейти от ограниченной узкими рамками пропаганды к широкой массовой агитации, пользующейся каждым удобным случаем, чтобы воздействовать на полусознательную еще рабочую массу. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», в который об'единились эти кружки, не был еще настолько сильным, чтобы взять в свои руки стачечное движение и руководить им; однако, воззвания и прокламации, которые во множестве распространялись по фабрикам и заводам от его имени, сделали его чрезвычайно популярным в рабочей среде. Роль союза в стачечном движении была скорее вспомогательной, чем руководящей. Тем не менее ему удалось оказать рабочему движению большую услугу.

С самого начала 1896 г. в Петербурге начали вспыхивать стачки на отдельных прядильных и ткацких фабриках. Поводом дальнейшего развития стачечного движения послужила коронация Николая II. Фабриканты распустили рабочих на три дня коронации и не выдали им за эти дни платы. Это возмутило рабочих, и в конце мая одна фабрика за другой начали прекращать работу. Рабочие не ограничились требованием уплаты за коронационные дни. Представители забастовавших заведений в числе около 100 человек сообща выработали свои требования: они касались сокращения рабочего времени, повышения расценок, правильной и своевременной выдачи заработанных денег. «Союз борьбы за освобождение» отпечатал эти требования в громадном количестве экземпляров и распространил по всем фабрикам и заводам. Не ограничиваясь этим, он собирал сведения о частных злоупотреблениях на той или другой фабрике и, основываясь на них, составлял воззвания к рабочим этой фабрики, призывая их присоединиться к забастовке. Под влиянием этого забастовочное движение росло, охватывая все новые и новые предприятия. Стачка протекала с большим спокойствием и выдержанностью: союз в своих прокламациях убеждал рабочих не производить беспорядков и буйств, которые были бы на руку полиции. Общее количество бастовавших превышало 30 тысяч человек. Сведения о петербургской стачке дошли до западно-европейских рабо-

чих, и английские тред-юнионы (профессиональные союзы) оказали содействие забастовавшим присылкою денежных средств.

Первоначально власти растерялись и относились к забастовщикам сдержанно, ограничиваясь наблюдением за сохранением порядка на улице. Но вскоре отношение полиции изменилось. Начались повальные обыски и аресты; все участки и тюрьмы были переполнены арестованными. Полиция силою принуждала рабочих идти на работу, хватая их на улицах и в домах и загоняя на фабрики. Но все это не помогало, и тогда министр финансов Витте обратился к бастующим с воззванием.

В нем он убеждал рабочих не верить подметным листкам и агитаторам-социалистам, которые, по его словам, не о добре для рабочих заботятся, а лишь пользуются ими для своих преступных целей, и прекратить стачку, так как они ведут лишь к разорению рабочих; «каждый человек обязан долг свой выполнять по закону и жить по правде Божьей: только такой человек может быть полезен отечеству и о нем будет заботиться царское правительство; всякий же нарушитель закона и порядка никогда не найдет поддержки у начальства а, напротив, за свое беззаконие понесет должное наказание».

Конечно, это воззвание не оказало воздействия на рабочих: стачка продолжалась. Но крайняя нужда, в которой находились забастовавшие, заставляла их задумываться о возвращении к работам. К этому присоединились намеки и обещания фабричных инспекторов и фабрикантов о том, что правительство рассмотрит вопрос о сокращении рабочего времени в законодательном порядке.

К 18 июня стачка улеглась. «Рабочие всюду вернулись к своим станкам,—говорит один из участников рабочего движения того времени,—но уже не теми, какими они от них отошли». За время стачки рабочим пришлось столкнуться с правительством лицом к лицу, и столкновение это не прошло бесследно. С одной стороны, «увещания», подкрепляемые угрозами, с другой—крутые меры, применяемые к забастовщикам, производили настоящую революцию в головах даже наименее сознательных и наиболее забитых рабочих, заставляя их задумываться над вопросом, кто их действительные друзья и защитники их интересов, и кто—их угнетатели и враги. Тем, чем раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спрос на нелегальную литературу достиг небывалых до того времени размеров и далеко превысил предложение».

Велико было и организационное значение стачки. Это был не ряд стачек рабочих различных фабрик и заводов, а общая стачка рабочих почти всех бумагопрядильных и ткацких фабрик Петербурга. Стачка велась сообща; сообща были выработаны требования, предъявленные предпринимателям; бастующие оказывали друг-другу денежную поддержку; и после стачки на некоторых фабриках остались возникшие во время ее стачечные кассы.

Слухи о петербургской стачке распространились по всей России и вызвали отклики в виде забастовок в Москве, Нижнем-Новгороде, Владимире, Костроме и др. городах. Она произвела большое впечатление на правительство; под влиянием ее при министерстве финансов было учреждено совещание с участием представителей промышленности по во-

просу о сокращении рабочего дня. Однако, это совещание работало очень медленно; время шло, а обещанный закон не появлялся.

В январе 1897 г. вследствие этого на некоторых фабриках Петербурга вновь начались забастовки. Правительство поспешило издать сообщение о том, что закон о сокращении рабочего дня уже вырабатывается. Волновались рабочие и в Москве, Серпухове, Туле, с. Горках, Ковровского уезда и в других местах.

Наконец, 2-го июня 1897 г. закон был издан; он устанавливал 11½ часовой рабочий день. Этот закон был важен не столько сам по себе, так как он оставлял лазейки, давшие фабрикантам возможность быстро научиться обходить его, сколько, как громадная моральная и политическая победа рабочего класса, заставившего правительство, мало считавшееся с его нуждами, пойти им навстречу.

Закон 1897 г. не прекратил стачечного движения. Сокращение рабочего дня на фабриках, придерживавшихся сдельной оплаты труда, уменьшило заработок рабочих и заставило их добиваться повышения расценок. С другой стороны, злоупотребления предпринимателей не прекратились и служили поводом для стачек. Конец 1897 г., а также два следующих года отмечены стачечным движением, распространившимся по всей России и захватившим центральный промышленный район, западный край, юг России, Прибалтийские губернии; слабее стачечное движение было на Урале и на Кавказе.

Из стачек этого времени необходимо отметить всеобщую забастовку, вспыхнувшую в Иваново-Вознесенске, вызванную стремлением фабрикантов сократить число праздничных дней. Забастовка охватила все фабрики города, насчитывавшие тогда до 20-ти тысяч рабочих, и закончилась уступками предпринимателей.

В северном и центральном районах стачки конца 90-х годов отличались мирным характером и организованностью: никаких буйств и погромов со стороны рабочих не было. Тем не менее высылка против забастовщиков войск была обычным явлением. На этой почве возникали серьезные столкновения. Так, например, когда во время забастовки в конце 1898 г. на фабрике Максвеля в Петербурге полиция ночью задумала проникнуть в одну из фабричных казарм, чтобы арестовать несколько стачечников, рабочие оказали ей и вызванным ею казакам продолжительное сопротивление. Когда же, наконец, они были вынуждены сдаться, полиция и казаки подвергли их жестокой расправе; многие из рабочих были избиты до потери сознания и серьезно заболели.

Менее организованный характер имело стачечное движение на юге России. Летом 1898 г., под влиянием убийства фабричным сторожем одного из рабочих, вспыхнули беспорядки на Брянском заводе. Рабочие разгромили фабричные здания и лавки. По тому же поводу и в том же году вспыхнули беспорядки в Бежицке. В июне 1899 г. во время стачки в Екатеринославских железнодорожных мастерских часть рабочих пыталась устроить еврейский погром, но была удержана социалистами. Однако, в том же году в Николаеве социалистам не удалось предотвратить погрома, начатого строительными рабочими, которых обсчитал подрядчик-еврей.

Наиболее сильное развитие стачечное движение в конце 90-х годов

получило в Польше. В 1897 г. в Варшаве происходит целый ряд общих стачек рабочих отдельных ремесленных цехов. В том же году вспыхнуло сильное движение в центре польской горной промышленности, Домброве, вызванное злоупотреблениями правления пенсионной кассы рабочих. Власти наводнили Домброво войсками, и губернатор, созвав рабочих, заявил им, что в случае продолжения забастовки все они будут уволены. Когда негодующая толпа отказалась расходиться, войска дали неожиданный залп, оставивший на месте 5 убитых. Этот случай оказал большое революционизирующее действие на польских рабочих.

Закон 1897 г. послужил одной из причин, вызвавших усиление забастовочного движения в Польше. На польских фабриках рабочий день был всегда значительно короче, чем на русских. Принятая законом 1897 г. $11\frac{1}{2}$-часовая норма превышала установившуюся в Польше продолжительность рабочего дня. Пользуясь этим законом, некоторые фабриканты начали удлинять время работ. Рабочие отвечали на это забастовками. Особенно крупными были забастовки 1899 года в Варшаве, где бастовало свыше 30-ти тыс. рабочих типографий, механических и кожевенных заводов, а также строительных рабочих в домбровском районе, где осенью бастовало до 12-ти тыс. рабочих.

Рабочее движение второй половины 90-х годов впервые в России имело характер общеклассового движения, направленного на изменение социального положения пролетариата. Если обычно стачки происходили на отдельных фабриках и заводах и если случаи одновременного выступления рабочих целой отрасли промышленности в каком-либо промышленном центре или районе были сравнительно редкими явлениями, то все же эта, протекавшая в разрозненных формах, борьба об'единялась единством лозунгов, во имя которых она велась, и требований, которые во время ее выдвигались рабочими. С этой точки зрения было ясно, что в 90-ые годы русский пролетариат сделал громадный шаг вперед по пути развития своего классового самосознания. Это было настолько очевидно, что всякие сомнения относительно существования в России пролетариата подобно западно-европейскому должны были рассеяться. Видело это и правительство.

Еще в 1895 г. министерство финансов в одном из своих секретных циркуляров писало: «В России, к счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе, а потому не существует и рабочего вопроса. В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабрикантов о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечении и сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Однако, уже в следующем году совещание при министерстве финансов, созванное для рассмотрения вопроса о сокращении рабочего дня, писало: «Нынешний рабочий уже не тот. Легко опасаться, что нынешними крупными стачками, характеризующимися невиданной для наших рабочих выдержанностью и стойкостью, дисциплиной, благопристойностью с внешней стороны и ясной формулировкой требований о сокращении рабочего дня, дело не окончится. Легко можно ожидать новых стачек и при том все более и более трудных к разрешению, так

как несомненно, что опыт будет сплачивать рабочих в лучше и лучше организованную массу». О повышении сознательности в среде рабочих говорят в специально-полицейских выражениях и шеф-жандармов кн. Святополк-Мирский в записке, относящейся к 1901 г.: «В последние 3—4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над нею».

Несмотря на рост сознательности в рядах пролетариата, рабочее движение этого периода носило характер по преимуществу экономической борьбы и стремилось добиться улучшения условий труда и положения рабочих. Рабочая масса не ставила себе таких целей, которые были бы политически преступными с точки зрения существующего государственного порядка. Рабочая масса не поднимала вопроса о своих политических правах и не пред'являла притязания на участие в государственном управлении. Лишь в самых редких случаях в среде рабочих замечались проблески сознания, связи между их экономическим положением и политическими порядками. Исключением в этом отношении являлся польский пролетариат. Мы видели, что уже в первой половине 90-х годов польское рабочее движение ставит себе, на ряду с экономическими задачами, задачи политические. Во вторую половину 90-х годов революционность рабочих масс растет. Празднование 1-го мая становится явлением, повторяющимся каждый год. Часто повторялись и уличные демонстрации, происходившие по самым разнообразным поводам: по случаю открытия в Варшаве памятника великому польскому поэту Мицкевичу, при проводах новобранцев, при чествовании памяти рабочих, павших во время столкновения с войсками, по случаю отправления в Сибирь приговоренных к ссылке социал-демократов и т. п.

Иначе дело обстояло во внутренних губерниях; здесь наличность в борьбе пролетариата политических элементов можно отметить лишь как исключительное явление. В этом отношении необходимо упомянуть о стачках на заводах Максвеля и Паля в Петербурге в 1898 г., во время которых рабочие, на ряду с требованиями экономического характера, пред'явили фабричному инспектору требование свободы собраний и стачек. В конце же 90-х годов наблюдаются первые попытки праздновать 1-е мая. С самого начала 90-х годов рабочие кружки в Петрограде и в некоторых других городах начали устраивать для празднования этого тайные собрания, на которых произносились речи о значении международной солидарности пролетариата и о задачах русского рабочего движения. Социал-демократические организации начали выпускать прокламации, посвященные 1-му маю, и распространять их в большом количестве среди рабочих. В 1898 г. в день 1-го мая среди петербургских рабочих наблюдалось значительное движение. На Северной мануфактуре Гука ткацкое отделение не работало. Равным образом прекратила работу и часть рабочих на Ижорском заводе в Колпине. В следующем году в этот день отказались работать рабочие некоторых цехов Екатеринославского Брянского завода, а в Либаве бастовали грузчики в порту и рабочие спичечной фабрики.

Вот и все зародыши политического движения, которые можно отметить в 90-х годах. Широкое развитие деятельности социал-демократических кружков, об'единившихся в 1898 г. в социал-демократическую партию, не могло в это время направить рабочее движение на борьбу политического характера. Дело в том, что в конце 90-х годов руководящая роль в этих кружках принадлежала сторонникам течения, получившего впоследствии название «экономизма». Это течение само по себе свидетельствовало о том, что социал-демократическое движение только-что начинает зарождаться. Сторонники «экономизма», считая рабочий класс в России еще слишком слабым и малосознательным для того, чтобы начать борьбу против существовавшего в то время политического строя, были склонны ограничить задачи рабочего движения исключительно экономической борьбой. Они не отрицали того, что пролетариату, в целях облегчения и обеспечения конечной победы, необходимо добиться политических свобод и участия в жизни страны, но, считая и самих себя и русский рабочий класс еще слишком слабым, они отодвигали задачу политического освобождения на неопределенное будущее и ограничивали свою деятельность содействием экономической борьбе рабочих, руководя забастовками, организуя стачечные кассы взаимопомощи и принимая на себя иные задачи, которые в странах с развитым рабочим лежат не на политической партии пролетариата, а на профессиональных союзах.

Однако, все условия, в которых протекала экономическая борьба русских рабочих, ясно подчеркивали ошибку, делаемую сторонниками экономизма, отделяющими борьбу экономическую от борьбы политической, и показывали пролетариату, что, для успешности его попыток улучшить свое положение и условия труда, ему необходимо в первую очередь добиться политического освобождения.

Большое количество стачек, оканчивающихся поражением рабочих, показывало, что для успешности борьбы необходимо создание профессиональных организаций, об'единяющих рабочих данной профессии, сплачивающих их в одно целое, оказывающих им материальную поддержку во время забастовок. Насколько живо было в рабочей среде сознание необходимости таких организаций, не имевших в то время возможности существовать и действовать открыто, на законном основании, вследствие боязни правительства допустить сплочение разрозненных сил рабочего класса, показывает тот факт, что во время стачек в Петербурге и в других городах рабочие сами стали устраивать тайные стачечные кассы, при чем некоторые из них сохранились и продолжали действовать и по окончании забастовок. Преследование правительством этих касс показало рабочим, насколько важно было для них, добиться свободы союзов и собраний.

Те преследования, которым рабочие подвергались во время забастовок, несмотря на их мирные формы, со стороны представителей власти— аресты и высылки, производимые полицией, вызов войск для подавления стачек, их стрельба по безоружным толпам бастующих,—все это заставляло рабочих видеть в правительстве своего главного врага.

Рабочие хорошо понимали, что закон 1897 г., сократившей продолжительность рабочего времени, был издан лишь вследствие того,

что правительство не видело другого способа успокоить волнующиеся фабрики и заводы и справиться с разрастающимся стачечным движением. Та медленность, с которой вырабатывался этот закон, показывала, что правительство с трудом согласилось на такую сравнительно малозначительную уступку рабочим. Мало этого, дальнейшее обнаружило, что, при первых же признаках успокоения среди рабочих, правительство было готово до крайней степени ограничить уступки, сделанные этим законом. Через три месяца после его опубликования министерство финансов начало издавать циркуляры и инструкции, всячески урезывающие эти уступки; эти циркуляры увеличивали количество допустимых по закону сверхурочных работ, освобождали от соблюдения закона целые отрасли промышленности и т. п. К тому же закон 1897 г. далеко не всегда соблюдался на практике. Предприниматели находили много способов для его обхода, а некоторые из них, чувствуя свою полную безнаказанность, не стеснялись открыто нарушать его. В связи с этим еще в 1905 г. бывали случаи, когда рабочим приходилось начинать забастовку лишь для того, чтобы добиться от своих хозяев сокращения рабочего времени до указанного в законе размера.

Фабричная инспекция сквозь пальцы смотрела на подобные нарушения закона. Вот несколько цифр, ясно показывающих, как она относилась к своим обязанностям: по официальным данным фабричной инспекцией за вторую половину 1900 г. и за 1901 и 1902 гг. было обнаружено 4.566 случаев нарушения закона 1897 г. и лишь в 152 случаях из них были составлены соответствующие протоколы, и нарушившие закон предприниматели привлечены к ответственности.

Вместо того, чтобы быть органом надзора за соблюдением фабрикантами закона и условий, заключаемых ими с рабочими, фабричная инспекция все более принимала на себя обязанности чисто политического характера. Ей было поручено правительством следить за тем, чтобы на фабриках не велась противоправительственная пропаганда, принимать все меры к тому, чтобы при возникновении стачек рабочие как можно скорее возобновляли прерванные работы, раз'яснять рабочим, что не только незаконные их притязания, но и стремления к достижению законных прав путем противозаконных мер (т.-е. стачек) будут приводить не к улучшению их положения, а к ухудшению его, так как правительство при таких обстоятельствах не может допустить осуществления пожеланий рабочих даже в том случае, если предприниматели, со своей стороны, из'явили согласие на уступки. Во второй половине 90-х годов фабричные инспектора очень часто запрещали фабрикантам соглашаться на требования забастовавших рабочих, так как это может повести к распространению волнений и забастовок на другие фабрики и заводы. Фабричным инспекторам предписывалось не принимать заявлений от рабочих, пока они не прекратят забастовки и не приступят к работам.

Фабричные инспектора быстро освоились со своей новой полицейской ролью и принялись старательно исполнять свои новые обязанности. Доходило до того, что они считали возможным ходатайствовать перед своим начальством о запрещении публичных лекций, которые, по их мнению, могли быть вредны для рабочих, следили за тем, какие

книги и газеты читают рабочие, жаловались на то, что жандармы слишком мягко относятся к агитаторам и этим способствуют росту революционного движения.

Еще в 1880 г. фабрикантам было разрешено содержать у себя на фабриках на свой счет полицейских агентов. Не довольствуясь этим, местные власти начали тайным образом назначать городовых па фабрики в качестве рабочих. На фабричную полицию возлагалась обязанность зорко следить и доносить начальству о всем, что делается на фабриках. Фабричный городовой должен был сжиться с рабочими, познакомиться с их образом жизни, прислушиваться к их разговорам, следить за тем, кто ходит к ним в гости и что они читают.

Правительство, как бы нарочно, делало все, что только можно, чтобы показать рабочим, что им нечего надеяться на помощь с его стороны. В 1898 г. рабочие фабрики Нечаева-Мальцова в Гусе забастовали, добиваясь устранения злоупотреблений администрации, и обратились с телеграммой к московскому генерал-губернатору, вел. князю Сергею Александровичу, прося его защитить их. «Это меня не касается»,—ответил великий князь. Фабричный инспектор, производивший расследование по поводу этой забастовки, обнаружил, что «управление фабрики систематически допускало целый ряд действий, составляющих прямое нарушение закона», и, тем не менее, управление не было привлечено за это к ответственности, так как власти нашли, что наказание администрации может уронить ее авторитет в глазах рабочих и даст им возможность подумать, что власти пошли им на уступки. Таким образом, прямые нарушения закона сходили безнаказанно для предпринимателей.

Под влиянием такой политики правительства в сознании рабочих масс происходит глубокий перелом. Свирепые меры, которыми правительство старалось подавить их стремление к улучшению условий труда, вызывали негодование рабочих, сплачивали их в одно целое и развивали в них боевое настроение, резко проявившееся в первые же годы XX столетия. Каждая новая стачка и каждое новое вмешательство правительства в стачечную борьбу служили новым уроком для рабочих, а плоды этих уроков сказывались в возростающей в их среде ненависти к правительству, которое так открыто выступало в роли их врага.

Прежде чем перейти к стачечной борьбе начала нового столетия, необходимо ознакомиться с положением рабочего класса в это время.

После блестящего расцвета второй половины 90-х годов, русская промышленность пережила в начале XX века годы тяжелого застоя. Первые признаки начинающегося кризиса проявились зимой 1899 г. в северном и западном промышленных районах, где особенно сильно пострадала ткацкая промышленность. В Белостоке почти все фабрики прекратили работы; тысячи рабочих были выброшены на улицу и остались без куска хлеба. То же самое происходило в Варшаве и Лодзи, где наблюдались случаи смерти безработных от голода и истощения на улицах.

В 1900 г. промышленный застой распространился на петербургскую и центральную промышленные области, а также и на промышлен-

ность юга России. Многие мелкие фабрики совсем закрылись, более крупные сократили производство, разочли значительную часть рабочих и понизили расценки. Так, например, в Москве Прохоровская мануфактура уволила 900 рабочих, Реутовская—1200; в Петербурге на Путиловском заводе из 12,000 рабочих осталось лишь 8,000; в Харькове Бельгийский завод сократил число своих рабочих с 700 до 150. Одновременно понизилась наемная плата; напр., в Иваново-Вознесенске плата ткачам упала с 11 руб. до 9, а потом и до 6 руб. Многие фабрики стали работать лишь по 3—4 дня в неделю; другие—сократили продолжительность рабочего времени до 8 часов.

С начала 1901 года разражается нефтяной кризис в Баку. В течение этого года число занятых на нефтяных промыслах рабочих уменьшилось с 33 тыс. до 27½ тыс., а заработки сократились на 20—25%.

Особенно сильно застой отозвался на промышленности юга России и в частности Донской области, где развилась жестокая безработица. Число рабочих в железной промышленности южного района за 2 года, с 1900 по 1902 г., сократилось с 54.142 до 43.212 человек.

Промышленный застой и его значение для рабочих обострились вследствие ряда неурожаев, постигших Россию, особенно же ее южные губернии, в 1897—1901 гг. Вывоз хлеба за границу сократился, и в приморских городах юга России тысячи портовых рабочих остались без работы. С другой стороны, цены на рабочие руки сильно упали в виду того, что голодающие в деревнях крестьяне потянулись в города в поисках за работой.

Полное расстройство хозяйственной жизни, вызванное промышленным кризисом, неизбежно должно было оказать сильное влияние на настроение всех классов русского общества, среди которых стали развиваться и пользоваться большим успехом противоправительственные течения.

В то же время коренным образом изменяется тактика русской социал-демократии. Среди кружков и организаций, об'единившихся в 1898 г. в социал-демократическую партию, равно как и среди возникшего в 1897 г. «Всероссийского Еврейского Рабочего Союза (Бунда)», господствовал, как мы уже видели, экономизм, т.-е. направление, ограничивавшее задачи рабочего движения борьбою исключительно экономического характера и отодвигавшее всякие политические задачи на отдаленное будущее. Но уже в конце XIX столетия среди социал-демократов стали раздаваться голоса, настаивавшие на необходимости перейти к политической борьбе и доказывавшие, что завоевание политических свобод является очередной задачей рабочего движения. Постепенно эти голоса стали звучать все сильнее и нашли себе выражение на страницах издававшейся за границей нелегальной социал-демократической газеты «Искра», начавшей решительную борьбу против господствовавшего в партии направления. С течением времени проповедь «Искры» стала пользоваться большим успехом; все большее и большее число социал-демократических организаций принимало ее точку зрения.

Наконец, в 1901 г. орган сторонников чисто экономической борьбы «Рабочее Дело» заговорило о своевременности начать «общий штурм против самодержавия».

Все это не могло не оказать влияния на рабочее движение. Упавшее в начале XX столетия число стачек вновь начинает расти, что видно из следующих цифр:

Годы	Число бастовавших предприятий.	Число участников стачек.
1900.	125	23.389
1901.	164	32.218
1902.	123	36.871
1903.	550	86.832

Но не только увеличивается число стачек, изменяется и самый их характер. Среди рабочих начинает все больше проявляться интерес к общеполитическим вопросам. Стачечная борьба все теснее сплетается с борьбой политической, и все более растут влияние и популярность социал-демократической партии среди рабочих масс.

В 1900 г. стачечное движение было сравнительно незначительным. В этом сказывается рост сознательности рабочих, которые воздерживаются от стачек, сознавая, что в условиях промышленного застоя они имеют мало шансов на успех. Стачечная борьба ведется, главным образом, в литовско-белорусском районе; большая часть забастовок вызвана стремлением хозяев взять обратно сделанные ранее уступки. Кроме того, наблюдается ряд стачек в районах, незахваченных ловсе или малозахваченных стачечным движением 90-х годов: на юге России, на Кавказе и в Сибири.

1-ое мая 1900 г. было отмечено рядом уличных демонстраций в городах Польши и Западного края. В Варшаве произошло столкновение между демонстрантами и войсками, во время которого было много раненых; число арестованных превышало 2000. Во внутренних губерниях 1-ое мая было отпраздновано в Николаеве, где бастовали рабочие некоторых цехов механических заводов, и в Харькове, где в этот день произошла почти всеобщая забастовка, распространившаяся не только на фабрики и заводы, но и на ремесленные заведения. Воспользовавшись этой забастовкой, рабочие пред'явили требование об увеличении расценок и сокращении продолжительности работы; некоторые же из бастовавших фабрик выставили требования чисто политического характера: свободы собраний, союзов, стачек и печати. Стачка сопровождалась уличной демонстрацией.

Менее чем через год, 19-го февраля 1901 г., Харьков вновь увидал на своих улицах демонстрацию, в которой, на ряду со студентами, принимали живое участие и рабочие, которая закончилась столкновением с пытавшейся разгонять демонстрантов полицией. В 1901 г. демонстрации стали заурядным явлением во всех наиболее крупных городах России: Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Саратове, Нижнем-Новгороде, Екатеринославе и т. д. Поводы для демонстраций были самые разнообразные: отдача студентов в солдаты, отправление в ссылку арестованных, высылка известного писателя Максима Горького из Нижнего-Нов-

города, и т. п. Во всех этих демонстрациях принимало участие много рабочих. Двигаясь по улицам города, демонстранты пели революционные песни и носили красные флаги с надписями, в роде: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода». При удобном случае из толпы демонстрантов выделялись ораторы, произносившие горячие речи с призывом к борьбе против существовавшего в то время государственного строя. Вокруг ораторов собирались прохожие, с интересом прислушивавшиеся к их речам. Слухи о демонстрациях распространялись по самым отдаленным уголкам России и способствовали тому, что обыватели стали интересоваться политикой и привыкать к мысли о неизбежности столкновения между народом и царским правительством.

Особенно оживленными были в 1901 г. демонстрации в Москве, где они продолжались в течение четырех дней (23—26 февраля). Манифестанты ходили по всем главным улицам города с красными флагами и революционными песнями. Казаки неоднократно атаковывали и разгоняли толпу, пуская в ход свои нагайки, но рассеивавшаяся толпа вскоре вновь собиралась в другом месте. В некоторых частях города из скамеек и других, попавшихся под руку, предметов наскоро были сооружены баррикады для того, чтобы затруднить передвижение казаков. Демонстранты несколько раз пытались напасть на манеж, чтобы освободить находившихся там, арестованных полицией, участников демонстраций. Один раз им удалось даже выломать в манеже двери, но в последнюю минуту они были оттеснены и рассеяны нагайками казаков и жандармов. За четыре дня демонстраций полицией было арестовано свыше тысячи рабочих и студентов. В связи с демонстрациями на мануфактурах Циндела, Прохоровской и Даниловской происходили волнения.

1-го мая 1901 г. демонстрации состоялись в Петербурге, Харькове, Симферополе, Тифлисе, а также во многих городах Польши и Литвы. Самая многолюдная демонстрация, в которой принимало участие до 3000 человек, носивших красные флаги и портреты Маркса, Энгельса и Лассаля, произошла в Тифлисе.

Она сопровождалась столкновениями с полицией; с обоих сторон были раненые. После демонстрации Тифлис на три дня был об'явлен на военном положении.

В Петербурге 1-го мая прекратили работу многие фабрики и заводы на Выборгской стороне. Когда через несколько дней администрация Обуховского завода рассчитала рабочих, праздновавших 1-ое мая, то забастовал весь завод. Рабочие при этом потребовали, как обратного приема уволенных, так и уничтожения ночных работ, 8-ми часового рабочего дня, увеличения платы и вежливого обращения. В ответ на эти требования администрация обратилась за содействием к полиции, которая потребовала от возмущенных увольнением своих товарищей рабочих, чтобы они разошлись. Вооруженные одними камнями, которые они тут же выбирали из мостовой, рабочие несколько раз отбивали нападения полиции и вынудили ее отступить. Подоспевшие на подмогу полиции войска открыли по рабочим огонь; было дано несколько залпов. Точное число пострадавших рабочих не известно, но впоследствии обнаружи-

лось, что многие солдаты стреляли не в толпу, а вверх или в сторону. Эти решительныя меры властей не могли внести успокоения в среду рабочих, и администрация нашла необходимым пойти на уступки: ночныя работы были отменены, уволенные рабочие вновь приняты на работу, расценки повышены.

Во время столкновения с рабочими полиция произвела ряд арестов. 37 арестованных были преданы суду, который, оправдав 8 человек, остальных приговорил к различным наказаниям, начиная от заключения в тюрьму на $1\frac{1}{2}$ года и кончая каторжными работами на 6 лет. Эта жестокая расправа привлекла к обуховскому делу внимание не только русского общества, но и западно-европейского пролетариата: международное социалистическое бюро приняло резолюцию, в которой выразило от имени международного пролетариата горячие симпатии русским рабочим в их борьбе против царизма.

Осенью и зимою 1901 г. демонстрации продолжались, делаясь все более и более частым и обычным явлением. 1-го мая 1902 г. произошли многолюдные демонстрации почти во всех наиболее крупных городах России. В Вильне, Минске, Екатеринославе и Кременчуге полиция подвергла телесному наказанию арестованных демонстрантов. В Саратове и Нижнем-Новгороде их предали суду.

В начале же мая произошло событие, показавшее, насколько поднялась сознательность русских рабочих, и с какою силою они готовы протестовать против всякого произвола и насилия. На станции Тихорецкой в вагоне железной дороги покончила с собою арестованная жандармами девушка Золотова, подвергшаяся перед смертью гнусному насилию со стороны арестовавших ее властей. Узнав об этом, рабочие местных железнодорожных мастерских напали на вокзальное помещение, где укрылись насильники, разгромили его, избили полицию и жандармов и настояли на том, чтобы тело Золотовой было вырыто из могилы для расследования. Благодаря этому энергичному вмешательству рабочих, правительству не удалось замолчать дело Золотовой, и оно произвело громадное впечатление на все русское общество.

В 1902 г. стачечное движение, хотя и продолжалось, но было значительно слабее, чем в предыдущие и последующие годы. Совершенно новым для России явлением было начавшееся в то время движение сельско-хозяйственных рабочих, которое разыгралось в Кубанской области в начале 1902 г. и стояло в связи с весенними крестьянскими волнениями на юге и юго-востоке России. Движение это носило стихийный характер и проявилось главным образом в уничтожении сельскохозяйственных машин, введение которых вызвало сокращение спроса на рабочие руки.

Важное политическое значение имела происшедшая в ноябре 1902 г. стачка в Ростове-на-Дону, оказавшая большое влияние на развитие рабочего движения на юге России и явившаяся предвестником всеобщей стачки, охватившей южные губернии в следующем году. Стачка началась с железнодорожных мастерских, рабочие которых выдвинули экономические требования: 9-ти часовой рабочий день, повышение заработной платы на 20%, отмена штрафов, удаление двух мастеров, вежливое обращение и учреждение школы для детей рабочих.

Стачка была подготовлена и проведена при деятельном участии Донского комитета социал-демократической партии, который развил широкую деятельность, выпустив за время забастовки 17 прокламаций, разошедшихся в 30-ти тысячах экземпляров. С первых уже дней стачки бастующие стали собираться на дворе мастерских для совместного обсуждения положения дел и хода забастовки. На эти сходки, на которых выступали представители социал-демократического комитета, собирались рабочие всех фабрик и заводов города. Так как двор мастерских был слишком мал и не мог вместить всех собирающихся, то было решено перенести собрания на окраину города. Там в течение недели происходили многолюдные митинги, на которых обсуждались вопросы общеполитического характера и на которые стекалось все население города. Иногда численность собравшихся превышала 30 тыс. человек. Собравшиеся жадно внимали смелым речам о преступлениях самодержавия, о чиновничьем произволе, о пристрастности судов, об эксплуатации рабочих капиталистами. Местные власти совершенно растерялись и, не зная, что предпринять, молча слушали речи ораторов, не делая попыток прерывать их.

Постепенно стачка разросталась; она приобрела характер всеобщей, захватив механические заводы, табачные фабрики и другие промышленные предприятия города. Тогда местные власти решили действовать: 11-го ноября, когда сходка почти уже разошлась, по оставшимся казаками был дан залп, положивший на месте 6 человек убитыми и 12 тяжело ранеными. После этого под влиянием обещаний предпринимателей сделать рабочим уступки, стачка начала затихать. Через 22 дня после ее начала рабочие возобновили работу.

Слухи о ростовской забастовке распространялись и вызвали стачки сочувствия в Новороссийске и на ст. Тихорецкой, где митинг, устроенный рабочими был разогнан при помощи оружия казаками, убившими 5 рабочих и многих тяжело ранившими.

Стачки 1900—1902 г.г. показали, что русский рабочий класс пережил глубокое внутреннее перерождение, и что сознание тесной связи экономических вопросов, в частности, положения рабочих и условий их труда, с вопросами политическими начало все крепче и крепче укореняться среди рабочих.

Прежде всего явно повысилось в их среде сознание собственного человеческого достоинства. Русский рабочий начала XX столетия не был уже более забитым и безответственным человеком, молча сносившим все притеснения и издевательства властей и предпринимателей; он понял, что имеет такое же право быть гражданином, как и его хозяин; он был теперь готов защищать свою честь и достоинство от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили.

В начале XX века русское рабочее движение вышло из фабричных казарм и дворов на улицы городов. Частные массовые демонстрации, происходившие не только в громадных промышленных центрах, но и во многих захолустных уголках русской провинции, имели громадное агитационное значение, выводя революционное движение из нелегального подполья и заставляя десятки и сотни тысяч мирно дремавших до того времени обывателей на все лады толковать о причинах, вызывавших эти

демонстрации и о целях, к достижению которых стремятся их участники. Участие рабочего класса в политической борьбе скрепило его связи с нелегальными партиями. Пролетариат начал давать революционному движению сотни и тысячи горячих и энергичных борцов за свободу. Из 600 политических заключенных, содержавшихся в 1903 г. в киевской тюрьме, 371 были рабочими. Из 170 революционеров, наполнявших в 1902 г. нижегородскую тюрьму, 31 принадлежали к рабочему классу.

Резкое повышение общественного недовольства, широкое развитие политической борьбы, близкое участие, которое принимали в ней рабочие, заставляли правительство задуматься над создавшимся положением. Те жестокие меры, к которым оно прибегало в борьбе со своими врагами—расстрелы, казни, массовые ссылки, телесные наказания и т. п., явно не могли совладать с продолжающим расти рабочим движением. Под влиянием разочарования в этих средствах, правительство начинает искать новые способы борьбы с революцией и решается на отчаянную попытку взять рабочее движение в свои руки, освободив его от влияния нелегальных партий. Известно, что эта попытка не только не увенчалась успехом, но лишь обострила создавшееся положение, ускорив приближение взрыва, потрясшего Россию в 1905 году.

VII.

Еще в 1896 г. начальник Московского охранного отделения, бывший революционер и предатель, Зубатов начал убеждать арестованных за стачки рабочих отказаться от политической агитации, обещая взамен, что московские власти будут оказывать содействие рабочим в их стремлении улучшать условия своего труда. Повидимому, некоторые из арестованных рабочих попались на эту удочку и, может-быть, невольно стали помощниками охранного отделения. При их помощи Зубатову удалось путем усиленных арестов свести на нет работу московской социал-демократической организации, развившей перед этим широкую агитацию и пользовавшейся значительной популярностью в рабочих массах.

Считаясь с развитием стачечного движения, Зубатов пришел к выводу, что полиция должна приложить все усилия к мирному улаживанию столкновений и конфликтов между рабочими и предпринимателями, убеждая последних делать кое-какие уступки волнующимся рабочим. Московский обер-полицмейстер Трепов, вполне сочувствовавший взглядам Зубатова, представил в 1898 г. генерал-губернатору доклад, написанный от его имени Зубатовым, в котором подробно излагал, какой, по его мнению, политики должно придерживаться правительство по отношению к рабочему движению. Небывалое до тех пор развитие рабочего движения об'ясняется в этой записке влиянием агитаторов, организовавших социалистические кружки. Для того, чтобы успешно бороться с такой агитацией, необходимо открыть для рабочих законные пути к улучшению своего положения. «Пока революционеры проповедуют чистый социализм,—писали Зубатов и Трепов,—с ними можно справиться одними репрессивными мерами, но когда они начинают эксплоатировать в свою пользу мелкие недочеты существующего законного порядка, одних

репрессивных мер становится мало, а надлежит немедля вырвать из-под их ног самую почву». Для этого же необходимо устранить волнующие рабочих недочеты существующего порядка, предоставить им возможность законным путем добиваться улучшения своей участи.

В 1898 г. в Западном крае были произведены массовые аресты среди местных организаций «Бунда». Арестованные были привезены в Москву, где Зубатов вступил с ними в переговоры, доказывая им, что еврейский пролетариат может ожидать действительного улучшения своей участи только от содействия ему самодержавной и неограниченной власти, стоящей вне классов и партий и в силу этого способной оказать помощь трудящимся. Зубатову удалось убедить некоторых из арестованных в своих благих намерениях, в своем сочувствии бедственному положению еврейских рабочих. Они поверили в то, что мерами, указанными Зубатовым, действительно удастся разрешить в России рабочий вопрос и готовы были видеть в самом Зубатове «великого двигателя рабочего движения».

Возвратясь из Москвы после освобождения из-под ареста, эти агенты Зубатова, во главе с Марией Вильбушевич, начали организовывать в городах западного края «Еврейскую Независимую Рабочую Партию», противопоставляя ее «Бунду», который, по их мнению, выдвигая на первый план задачи революционного характера, тем самым задерживает развитие экономической борьбы и препятствует возникновению и росту профессиональных организаций еврейского пролетариата. В программу своей деятельности «независимые» вводили поднятие материального и культурного уровня рабочих при помощи устройства культурно-экономических организаций. Если не считать Минска, где они широко пользовались поддержкой одного из помощников Зубатова, жандармского офицера Васильева, «независимым» не удалось добиться сколько-нибудь заметного успеха. Их попытки создать в Вильне и в других городах свои организации почти не удались. Это об'яснялось противодействием, встреченным ими со стороны «Бунда», пользовавшегося широкими симпатиями среди еврейских рабочих. Сам Зубатов жаловался впоследствии на популярность, которой пользовался «Бунд», указывая, что в Западном крае детей обучали грамоте по прокламациям и воззваниям «Бунда». Понятно, что при таких условиях деятелям «Бунда» не стоило большого труда вывести на свежую воду агентов Зубатова и об'яснить рабочим действительный смысл их попыток оторвать рабочую массу от борьбы за широкие идеалы социального преобразования и сосредоточить все ее внимание и все ее усилие на мелких вопросах повседневной действительности.

Организация «Еврейской Независимой Рабочей Партии» была лишь одной из попыток Зубатова овладеть русским рабочим движением. Планы у Зубатова были чрезвычайно широкие. Он хотел бы видеть всю Россию покрытою профессиональными организациями рабочих, находящимися под неусыпным контролем охранных отделений и действующими по их указке. Эти организации должны были лишить интеллигентов-революционеров поддержки широких рабочих масс и этим обезвредить их деятельность. Социалистические партии только лишь постольку опасны для правительства, поскольку они опираются на массы. «Без массы цена

революционерам—грош», — писал Зубатов. Правительству необходимо достичь того, чтобы «революционный штаб остался без армии», а для этого надо убедить рабочих, что законными путями при поддержке правительства они достигнут большего, чем при помощи революционных средств. Правительство должно допустить легальные организации рабочих. Следя за их деятельностью и направляя ее через своих агентов, входящих в состав этих организаций, правительство получит возможность направить все усилия рабочих на улучшение их положения и условий жизни и удержать их от вмешательства в политическую борьбу. В основу деятельности рабочих союзов, по мнению Зубатова, должны быть положены следующие начала: замена революционного учения учением, выдвигающим постепенное улучшение быта рабочих при помощи мер, лишенных насильственного характера, проповедь преимущества самодержавной формы правления перед всеми другими, как независимой от влияния со стороны тех или других общественных классов и потому заключающей в себе начало третейское.

Создание «Независимой Еврейской Партии» было первой попыткой осуществить на деле фантазии Зубатова; вскоре же за нею последовала вторая. Весной 1901 г. в Москве при содействии Зубатова и его агентов было учреждено «Общество взаимного вспомоществования рабочим в механическом производстве». Задачами этого общества были, на ряду со взаимопомощью его членов, культурно-просветительная деятельность, устройство обще-образовательных чтений и, посвященных обсуждению вопросов рабочего быта, собраний. В начале общество пользовалось значительным сочувствием рабочих. Его собрания, на которых при участии профессоров университета обсуждались условия труда и жизни рабочих в России и за границей, привлекали многочисленных участников. Вскоре на ряду с этим обществом создается другая организация—«Совет рабочих механического производства», состоящий из представителей рабочих всех районов Москвы и сосредоточивший у себя сведения о всех конфликтах и столкновениях, происходящих между предпринимателями и рабочими. В «Совет» рабочие подавали на хозяев жалобы, для поверки которых «Совет» посылал своих уполномоченных на фабрики и заводы. Такое вмешательство «Совета» и стоявшего за ним охранного отделения в отношения рабочих к предпринимателям перепугало последних, и они начали посылать в Петербург жалобы на Зубатова, обвиняя его самого и его агентов в возбуждении рабочих против хозяев и в устройстве забастовок; в своих жалобах они, между прочим, указывали на то, что под влиянием деятельности «Совета» стало увеличиваться число стачек не только в самой Москве, но и в окрестных уездах. Однако, эти жалобы остались без результата, так как правительство в то время высоко ценило деятельность Зубатова. В октябре 1902 г. он получил повышение и был назначен заведующим особым отделением департамента полиции.

С этого времени Зубатов, в подчинении которого находились все охранные отделения, получил возможность производить свои полицейские опыты во всероссийском масштабе.

Попытки организовать общества, подобные Московскому, делаются и в других городах: Киеве, Екатеринославе, Костроме, Харькове, Царицине и т. д., но нигде они не имели такого успеха, как в Москве. Не-

удачной оказалась и предпринятая еще ранее попытка агентов Зубатова учредить свое общество в Петербурге. Приехавшие с этой целью из Москвы зубатовцы не встретили сочувствия со стороны петербургских рабочих и в то же время наткнулись на противодействие местной полиции, отрицательно относившейся к опытам Зубатова.

Напротив, в Москве общество рабочих механического производства пользовалось большим влиянием среди рабочих, что отчасти об'яснялось слабостью местной социал-демократической организации, не успевшей еще оправиться после разгрома, которому она подверглась в конце 90-х годов. В то время, как во всей России быстро развивалось революционное движение и во всех крупных городских центрах происходили многолюдные противо-правительственные демонстрации, в Москве агентам Зубатова 19-го февр. 1902 г., в день годовщины освобождения крестьян, удалось устроить торжественное возложение венков на памятник Александру II, сопровождавшееся, привлекшей десятки тысяч рабочих, патриотической манифестацией.

Эта манифестация знаменовала высший расцвет деятельности зубатовских организаций в Москве. С лета 1902 года развитие Московского «общества» приостанавливается и оно начинает утрачивать сочувствие рабочих, разочаровавшихся в нем после того, как им пришлось убедиться, как мало изменилось, благодаря ему, их положение, как мало улучшились условия их жизни и труда.

Лето 1903 г. обнаружило полный провал опытов Зубатова, показав, что, несмотря на все усилия его агентов, революционное настроение рабочих продолжает расти. В начале этого года руководители «Еврейской Независимой Рабочей Партии», во главе с доктором философии Шайкевичем, отчаявшись достичь заметных результатов в Западном крае, где им не по силам оказалась борьба с окрепнувшими и завоевавшими полное доверие рабочих организациями «Бунда», перенесли свою деятельность в Одессу. Там Шайкевич организовал «Союз рабочих по металлу», который, в отличие от московского общества, ставил своей задачей не только культурно-просветительную работу и взаимопомощь своих членов, но и борьбу за улучшение условий жизни и труда пролетариата, увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Ходом событий, против своей воли, одесский «Союз» летом 1903 г. был вынужден принять деятельное участие в вспыхнувших в Одессе стачках, постепенно превратившихся в охватившую весь юг России и принявшую политический характер всеобщую забастовку. Испуганное этой забастовкой правительство закрыло Союз, арестовав его руководителей, выслало Шайкевича в Вологодскую губернию и отстранило Зубатова от должности.

Так печально для правительства закончилась пресловутая зубатовщина. Результатом всех попыток Зубатова остановить развитие революционного движения и укрепить положение самодержавного строя явилось лишь общее недовольство деятельностью правительства, обнаружившего свою слабость и страх перед ростом революционного настроения в стране. К рабочему движению, пережившему зубатовские опыты, были привлечены отсталые и незатронутые до тех пор борьбою слои рабочего класса, которые увеличили его силу и напряжение.

VIII.

С зимы 1902—1903 г. в русской промышленности, пережившей с 1899 г. застой, начало замечаться оживление. Вместе с этим усилилось и стачечное движение. Рабочие спешили воспользоваться промышленным оживлением и возросшим в связи с ним спросом на рабочие руки, чтобы добиться улучшения своего положения, резко ухудшавшегося в годы застоя. К концу зимы и к концу весны 1903 г. стачечное движение распространилось по всей России. Во всех крупных и мелких промышленных центрах вспыхивали забастовки. Некоторые из них протекали очень бурно. В этом отношении необходимо отметить забастовку в Златоусте.

Рабочие казенного завода в Златоусте забастовали в марте 1903 г., отказываясь принять расчетные книжки, в которых были напечатаны статьи, устанавливающие наказания за забастовки и табель штрафов и вычетов. Явившийся с войсками губернатор предложил рабочим выбрать депутатов для переговоров; рабочие доверчиво согласились на это; однако, выбранные ими депутаты были арестованы и увезены из города. Возбужденные рабочие, негодовавшие на обман и насилие над своими представителями, собрались в числе около 5-ти тыс. человек и потребовали от губернатора освобождения арестованных. В ответ на это требование губернатор приказал войскам стрелять в рабочих. После залпа, данного войсками, на месте легло 69 рабочих убитыми и свыше 100 ранеными. На другой день работы на заводе возобновились, но с этих пор златоустовские рабочие затаили в своей душе глубокую ненависть к правительству.

На ряду со стачками по всей России происходили многолюдные демонстрации, точно так же весьма часто заканчивавшиеся столкновениями с войсками. Особенно много демонстраций было на Кавказе и на юге России. 2-го марта в Ростове-на-Дону местный социал-демократический комитет устроил многолюдную демонстрацию. Во время свалки демонстрантов с полицией был смертельно ранен пристав. Пользуясь этим, местные власти предали нескольких, случайно схваченных, демонстрантов суду, приговорившему трех из них к смертной казни, которая затем была заменена каторжными работами, а остальных—к каторжным работам.

Всеобщая забастовка, охватившая летом 1903 г. все промышленные центры Кавказа и юга России, началась почти одновременно в Баку и в Одессе.

В Баку 29-го июня забастовали рабочие нефтяных промыслов. Постепенно к ним присоединились рабочие железной дороги, трамвая, пароходов, ремесленных мастерских, ресторанные служащие, строительные рабочие, дворники, сотрудники газет и даже часть полиции. Общее число бастовавших достигало 50-ти тыс. человек. Рабочие требовали 8-ми часового рабочего дня, повышения платы на 20%, устройства школ, народных театров и больниц на счет предпринимателей. При первых слухах о бакинской забастовке, остановили работу фабрики и заводы Тифлиса, где и без того среди рабочих наблюдалось волнение, вызванное ссылкою в Сибирь четырех социал-демократов и вылившееся 1-го июня во время их

проводов в насчитывавшую до 10-ти тыс. участников демонстрацию. Забастовка быстро охватила одно за другим предприятия и учреждения города и 14-го июля, по призыву социал-демократического комитета, превратилась во всеобщую. Тремя днями позже началась всеобщая забастовка в Батуме.

В Одессе начало всеобщей забастовки было положено 1-го июля стачкой рабочих железнодорожных мастерских, к которым в ближайшие же дни присоединились портовые рабочие, матросы, кочегары и, наконец, все местные заводы, фабрики и мастерские. Бастующие, число которых доходило до 50-ти тыс. человек, выдвинули такие же требования, как рабочие в Баку; на некоторых фабриках, кроме того, добивались введения выборной администрации. Все время в городе происходили митинги, на которых шла борьба между Шайкевичем и его сторонниками, настаивавшими на исключении всяких политических требований и на умеренности в требованиях экономических, и социал-демократами, старавшимися расширить рамки борьбы и указывавшими рабочим на связь между их положением и политическими порядками. Социал-демократы выпустили и распространили десятки тысяч экземпляров прокламаций, усердно читавшихся рабочими и открыто распространявшихся по всему городу. Почти ежедневно происходили политические демонстрации. Ежедневно же собирались митинги, на которые иногда сходилось 40—50 тысяч участников. Столкновения с полицией и властями, пускавшими в ход нагайки и штыки, были обычным явлением. Забастовка продолжалась около трех недель, и на все это время оживленная торговля и промышленная жизнь Одессы совершенно замерли.

Такую же картину полного прекращения работы и торговли можно было наблюдать и в других городах, охваченных забастовкой. Из Одессы забастовка распространилась на Елисаветград, Николаев, Киев, Екатеринослав, Александровск, Конотоп, Феодосию, Керчь. Во всех этих городах прекратившие работу тысячными толпами ходили по городу и призывали всех рабочих присоединиться к забастовке; на улицах останавливали конки, трамваи и принуждали их возвращаться в депо. В Киеве забаставшие железнодорожные рабочие в числе около 2.000 легли на рельсы железной дороги, чтобы прекратить движение. Полиция и казаки напали на них; произошло столкновение, во время которого казаками было дано три залпа, положившие на месте 4 рабочих убитыми и 20 ранеными. Эта жестокая расправа вызвала озлобление среди рабочих всего города и облегчила распространение забастовки. Многие фабрики, присоединяясь к бастующим, не пред'являли своей администрации никаких требований, подчеркивая, что цель их забастовки исключительно политическая.

Значение всеобщей забастовки 1903 г. не исчерпывается, конечно, теми уступками, которые предпринимателям пришлось сделать своим рабочим. Далеко не везде рабочие добились хотя бы частичного осуществления своих требований. Более всего от забастовки выиграли отсталые слои пролетариата, далеко стоявшие до того времени от движения и в силу этого подвергавшиеся наибольшей эксплоатации со стороны предпринимателей. Значение забастовки 1903 г. лежит гораздо глубже: она явилась предвестником движения, охватившего Россию два

года спустя и потрясшего, казавшийся ранее непоколебимым, царский трон. Она вовлекла в политическую борьбу громадные массы русского пролетариата, не принимавшего до тех пор участия в этой борьбе.

Вместе с этим она положила конец зубатовщине, подорвав ее значение не только на юге, но и во всей России. Это ярко сказалось на начавшейся в сентябре 1903 г. забастовке московских типографских рабочих, находившихся ранее под безраздельным влиянием агентов Зубатова и чуждавшихся вследствие этого всякой политической борьбы. Забастовка отличалась редкой организованностью: ее план был заранее разработан на собраниях представителей всех типографий; на этих собраниях были намечены общие для всех рабочих требования, заключавшие в себе, на ряду с увеличением платы и сокращением продолжительности рабочего времени, принятие одинаковых для всех типографий коллективных договоров. Забастовавшие отказались вести переговоры с отдельными владельцами типографий, требуя одинаковых уступок от всех предпринимателей. Возникший во время забастовки профессиональный союз типографских рабочих вскоре принял программу социал-демократической партии, показав этим, что агенты Зубатова вполне утратили свое былое влияние на рабочих, что зубатовщине пришел конец.

Спор о том, какие задачи стоят перед русским рабочим движением: должно ли оно ограничиваться борьбою за частичные улучшения условий жизни и труда на фабриках и заводах, или ему необходимо расширить рамки борьбы и добиваться политического освобождения рабочих,—спор этот был решен самою жизнью, доказавшей, что русский пролетариат не может рассчитывать на действительное облегчение своей участи до тех пор, пока ему не удастся завоевать для себя политические права, пока перед ним не откроется возможность широко развить свою классовую борьбу, пока его союзы и организации не получат права на открытую и свободную деятельность. Жизнь учила, что в условиях самодержавного государственного порядка классовая борьба пролетариата неизбежно должна стать борьбой политической, и что вследствие этого сокрушение существовавшего в то время строя должно быть непосредственной и ближайшей целью рабочего движения, осуществление которой облегчит и откроет пути для дальнейшей борьбы за освобождение труда. Русский рабочий класс к началу XX века хорошо усвоил себе эти уроки жизни. Громаден тот шаг вперед, который был сделан им за короткое время и благодаря которому он стал авангардом русской революции, доказав, насколько правы были первые русские социал-демократы, когда они говорили о том, что революция может восторжествовать в России только лишь как революция рабочих.

